

The book cover features a large, dark red silhouette of a woman's head and shoulders in profile, facing left. Inside the silhouette, the title and author's name are printed in white. To the right of the silhouette, a woman in a red dress is shown in profile, looking towards the left. The background is a watercolor illustration of a coastal scene with white cliffs, a blue sea, and a sandy beach. Several birds are flying in the sky.

ТАША МУЛЯР

ДОМ НА ПТИЧЬЕМ ОСТРОВЕ

Белый
ворон

книга третья

БОМБОРА

Жизнь без дублей. Просто о непростом с Ташей Муляр

Таша Муляр

**Дом на Птичьем острове.
Книга третья: Белый ворон**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Муляр Т.

Дом на Птичьем острове. Книга третья: Белый ворон /
Т. Муляр — «Эксмо», 2026 — (Жизнь без дублей. Просто о
непростом с Ташей Муляр)

ISBN 978-5-04-253615-1

Третья книга тетралогии «Дом на Птичьем острове» Таши Муляр. «Белый ворон» – глубокий роман о том, как боль прошлого мешает строить будущее. О том, что любовь – это не только радость, но и тяжелый труд. И о том, что даже после самых страшных событий можно выжить и начать заново, если рядом есть те, за кого стоит бороться. Николай и Василиса – два человека, давно разучившиеся верить в счастливый финал. За плечами каждого – неудачные браки, годы одиночества и привычка рассчитывать только на себя. Сейчас у них есть все, чтобы быть счастливыми: любовь, взаимное уважение, общий дом и сын, которому они наконец подарили настоящую семью. Но настоящее, каким бы светлым оно ни казалось, неотделимо от ошибок их прошлого. Можно ли построить новую семью на фундаменте из руин двух предыдущих браков? И как научиться доверять, если твой собственный опыт учит обратному?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253615-1

© Муляр Т., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Таша Муляр

Дом на Птичьем острове

Книга третья. Белый ворон

© Таша Муляр, текст, 2026

© Давлетбаева В. В., иллюстрации, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

*Посвящается Валентине Абрамовне,
Женщине с большой буквы, с которой мне посчастливилось жить
в одно время и быть рядом.
Жаль, что так мало...*

*Все события и персонажи романа вымышлены и являются плодом
воображения автора.*

*Любые совпадения с реально существующими личностями и
фактами их жизни абсолютно случайны.*

*Чтоб стать мужчиной, мало им родиться.
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разбиться
И, как руда, пожертвовать собой.*

Михаил Львов

Лиса медленно перемещалась по квартире, разглядывая следы праздника: хаотично стоящие бокалы и тарелки, недоеденные салаты и закуски, торжественные букеты в разномастных вазах, расставленные по всей квартире, вскрытые подарочные коробки.

Вздохнув, она присела на диван в комнате сына, где был накрыт праздничный стол, чуть отодвинула его, с наслаждением скинула нарядные туфли и вытянула отекавшие за день ноги. Ступни недовольно ныли, жалуясь на слишком высокие шпильки, пальцы с трудом распрямлялись, ломящая боль отзывалась в суставах.

Передумав сидеть, встала, прошла босая на кухню, хрустко потянувшись всем телом, как спортсмен, наконец-то завершивший дистанцию и с триумфом добравшийся до финиша.

Приподнявшись на цыпочки, стащила с верхней полки кухонный фартук и повязала его поверх свадебного платья. Крепко перебинтовав талию широкими лентами тесемок, завязала из них пышный бант.

Мельком взглянула на свое отражение в окне кухни. Смешная такая сорокалетняя невеста, вся в белом, да еще и в фартуке, хотя девушке в отражении сорок лет и не дашь вовсе, – вполне себе хорошенькая невеста получилась. Новый муж, смело взваливший на себя ответственность за их юную семью, пошел провожать засидевшихся гостей, прихватив с собой теперь уже их общего четырнадцатилетнего сына, которому надоели люди в доме и суета.

Счистив в ведро остатки недоеденных угощений, она собрала тарелки в стопку и присела у окна, раздумывая, закурить или не стоит. Выбрав не начинать курить снова, вздохнула, облокотилась на подоконник, подперев подбородок руками, задумчиво посмотрела на уснувший город, оттягивая момент уборки и мытья посуды, наслаждаясь таким скоротечным моментом тишины.

За окнами соседних домов жили люди, каждый со своей историей и судьбой.

– Получится ли у меня в этот раз стать другой? – прошептала она сама себе, проводя рукой по темному прохладному стеклу, словно стирая свое отражение.

В дверь настойчиво позвонили, вернув ее в новую счастливую реальность.

Глава 1

День первый. Суббота

Дорога матовым блеском отражала еще холодное солнце. Сверкающие стекла и зеркала автомобилей, неумолимо перемещающихся в только им известном направлении, поймав солнечные лучи, возвращали их обратно, а железные кони продолжали свое непрерывное движение. Лишь один из них неподвижно застыл на крутом склоне обочины, выставив свое раненое нутро на всеобщее обозрение.

В небе свободно парила птица.

Это было первое, что увидела получившая ощутимый удар в висок при финальном повороте автомобиля Лиса, когда открыла глаза.

На голубом, по-весеннему радостном и пронзительно ярком небе птица, не торопясь, вольготно поднимала и опускала крылья, продолжая просто жить, несмотря на все перипетии бытия.

Небо было почему-то квадратным – голубой лоскут, ограниченный черной траурной рамкой и рваными осколками толстого стекла, кусок которого неожиданно сорвался и упал вниз, скользнув по ее лицу.

Лиса вздрогнула, смахнула со щеки каплю крови – боли она не чувствовала, вдохнула всей грудью и тут же будто вынырнула из оцепенения, сообразив, что небо она видит через люк их автомобиля, точнее, через ту дыру, которая осталась от люка.

Возле трассы собрались проезжавшие мимо зеваки. Они тихо перешептывались, глаза и недоумевая, строя предположения, что же могло произойти. Разговаривали, будучи в полной уверенности, что в этом большом железном, напрочь искореженном монстре, в который превратился джип от самого надежного немецкого автоконцерна, уцелевших быть не может.

Лиса попробовала пошевелиться. Тело ломило, но все вроде было цело. Стоп, она же тут не одна! Что с Егором, что с Колей? Где они? Как это произошло?

Время изменилось – казалось, что она думает не секунды, а целые минуты, так медленно включалась голова, хотя нужно было мобилизоваться.

Она попыталась привстать и поняла, что машина лежит на боку на откосе дороги и под собственным весом медленно съезжает вниз, к шоссе, где были люди, – они что-то кричали ей, а может, и друг другу или звали на помощь, кто знает? Размышления ее прервал оглушающий грохот капота, упавшего на зияющую дыру, оставшуюся на месте лобового стекла.

– Есть кто живой? – громко как могла крикнула Лиса, удивившись своему еле слышному хриплому шепоту. – Коля, Егор, вы как? Что случилось?

Ответом была тишина, шуршание шин по полотну дороги от продолжающих мчаться мимо них автомобилей и какой-то посторонний капающий звук. Капли гулко ударялись о металл, звенели в ушах, тревожа ее еще больше. Сердце билось в груди, воздуха не хватало, ощущение фатальности происходящего не покидало, а, напротив, нарастало в ней. От накатившего приступа тревоги она задыхалась, а голова просто раскалывалась, острая боль пронзала насквозь, пульсируя в виске, мешая думать и ориентироваться в этом хаосе.

– Коля, ну, Коленька... – Лиса трясла за плечо лежащего на боку мужа, крепко зажатого между рулем и сиденьем. Он не был пристегнут («Какие глупости, даже не думай об этом!»), отчего поза его казалась неестественной и пугающей.

– Мам, мама!.. Ты как? – раздался с заднего сиденья испуганный голос сына, которого Лиса не могла видеть из своего положения – лишь мальчишеская челка да округлившиеся от страха глаза отразились в осколке зеркала заднего вида.

– Сынок, я в порядке, у тебя-то все цело? Проверь, пошевелись. Подвигай руками и ногами. Болит что-то? – с облегчением и одновременно с тревогой хрипло ответила ему Лиса, стараясь совладать с собой, продолжая трясти за плечо не реагирующего на нее мужа и оглядывая автомобиль, в котором не осталось ни одного целого стекла. Весь салон был усыпан мелкими осколками триплекса, похожими на кусочки пазла изо льда, как у Кая из «Снежной королевы», – мозг подsunул абсолютно неуместную и даже глупую ассоциацию из детской сказки.

– Коля, Коленька, ну пожалуйста...

– Василиса? Ты в порядке? – Николай очнулся и тут же попытался пошевелиться, сделал попытку привстать, оценивая обстановку.

– Да-да! Все хорошо! Господи, какое счастье, что ты жив! – воскликнула она, не узнавая своего голоса. – Мы попали в аварию, машина почему-то перевернулась... вроде не один раз. Я не помню, заснула, проснулась от удара по голове, когда мы уже почти остановились, перед глазами так страшно все крутилось.

Николай услышал посторонний капающий звук.

– Так, надо выбираться отсюда! Действуем быстро! Ты можешь отстегнуться? – Он схватился за руль, попытался выпрямиться, тут же сморщился от дикой боли в ребрах, но совладал с собой, чтобы не испугать жену и сына.

– Егор, ты как? Встать можешь? Руки-ноги целы?

– Да, я норм... – пробасил сын, высунувшись из-за сиденья, посмотрел на маму, больше всего переживая именно за нее.

– Не могу отстегнуть, замок заклинило, – сообщила Лиса, пытаясь справиться с ремнем безопасности. Пальцы ее не слушались, на правой кисти кровоточила еще одна ссадина.

Морщась от боли и покряхтывая, Николай помог жене отстегнуться.

– Так, вылезай через люк, только не через лобовое! – уже прикрикнул он на жену, пытавшуюся было выбраться через зияющую широченную дыру на месте лобового стекла. – Там мотор горячий, да мало ли что! Давай! Егор, подсоби матери и дуй следом за ней, а потом уж и я.

– Нет! – Почти выбравшаяся из машины Лиса заглянула назад в салон. – Дай мне руку и встань, вдруг ты без нас не сможешь, я же вижу, какая у тебя боль... – она протянула ему руку.

– Быстро из машины! – крикнул он командным тоном.

Лиса вздрогнула от неожиданной грубости, подумав, что, видимо, он прав и как мужчина оценивает обстановку по-другому... А потом ведь Егор, ее Егор, еще не вылез, он же после нее. Она ловко выбралась из люка, встала на вспоротой искореженным автомобилем земле, где чернозем смешался со свежей весенней зеленью, заглянула назад в салон, подавая руку сыну, который вылез вслед за ней, и стала ждать мужа.

– Прочь от машины оба, быстро! – опять прикрикнул на них Николай, открыл бардачок, вынул документы, зацепил взглядом часы, которые показывали ровно десять часов тридцать минут – их новый отсчет. Оглядел салон, убедившись, что они ничего ценного не оставили, остановил взгляд возле панели приборов, где была закреплена круглая монета-икона с ликом Николая Чудотворца, которую он купил еще в своей прошлой жизни, почти вместе с автомобилем. Дотронулся пальцами до образа, проговорил про себя «Спаси и сохрани» и попытался подковырнуть икону, чтобы забрать ее с собой, – мало ли что с машиной, как оставить икону? – да приклеил он ее сам же намертво. Чуть помедлил, сгруппировался, подтянул ноги, опять сморщившись от давящей боли в области живота и ребер, приподнялся, держась за руль, и выбрался вслед за своими, еще раз напоследок взглянув на изображение святого, которое пришлось оставить в салоне автомобиля.

Для всех троих, вылезших из куска металла, еще несколько минут назад бывшего их машиной, теперь же искореженного до неузнаваемости, смятого и перекрученного, как побы-

вавшего под прессом переработки, удивлением было обнаружить бесстыдно яркий в своем триумфе жизни солнечный день и толпу зевак, собравшуюся у дороги.

Люди топтались, снимали на телефоны, переговаривались, но не решались приблизиться к машине, глядя на пострадавших в аварии как на прокаженных либо, напротив, как на святых.

– Фить!.. – присвистнул крупный молодой парень, крепко прижимающий к себе перепуганную девушку с мобильником в руках. Она никак не могла дозвониться до скорой, оператор МЧС повесил звонок на ожидание, и секунды, превращаясь в минуты, сливались с вечностью.

– Так кто-то жив? – не веря тому, что происходит на их глазах, спросила женщина.

– Походу да! – парень завороченно следил за тем, как выползшая из «гелендвагена» фигурка женщины согнулась пополам, прикоснулась к земле рукой, хватаясь за нее, как за что-то незыблемое, собравшись с силами, выпрямилась и, пошатываясь, сделала шаг в сторону.

– Боже святой, Боже крепкий, помилуй нас! – запричитала пожилая женщина в повязанном наспех, съехавшем набок белоснежном платке. Она стояла на коленях прямо на разогретом солнцем асфальте, неистово крестилась, не сводя глаз с автомобиля и вылезавших из него людей. – Вась, а Вась! У них нимбы над головами, ты видишь?

– Да что ты опять за свое?! – с раздражением цыкнул на нее стоящий рядом муж.

– Точно, как нимб... – протянула девушка, еще крепче прижавшись к руке своего спутника. – Ян, ты видишь? Или мне кажется?

– Какой нимб, Марта?! С ума сошла или вон на эту нагляделась? – отрезал Ян. – Это просто солнце отражается от зеркально-черных боков гелика... Вот что значит качество! Хотя... – размышляя, он решил уступить жене. – Если бы и нимб, я бы не удивился, чесслово! Тут просто в зад кому-то въедешь – и весь перекалечишься, а они... – Он замолчал, не зная, какими словами здравого смысла объяснить то, свидетелями чего они стали. – Чудо какое-то и правда!

Николай мрачно посмотрел на встречающих их зевак. Все его мысли были заняты причинами произошедшего и последствиями для людей, за которых он отвечал. Лиса и Егор оглядели толпу, стоящую на дороге, с недоумением. Никто не собирался помогать им, было ощущение, будто они просто актеры, которые снялись в сцене из фильма про автоаварию. Люди замерли, с изумлением наблюдая, как все трое поочередно вылезли из начавшего дымиться автомобиля, вместо того чтобы броситься им на помощь.

– Сюда, вот сюда идите! – скомандовал Николай жене и сыну, увидев под стоящими в ряд елями бревно, лежащее чуть в отдалении от места аварии.

– Да, Коля, идем, идем, – подтвердила Лиса и тихонько подтолкнула Егора, наблюдая, как он идет: не хромает ли, действительно ли цел. – А ты? – обеспокоенно переспросила она у мужа, так же пытаясь разглядеть его возможные травмы.

– И я. От машины нужно отойти, взрыв может быть: похоже, там бензобак пробило. – Николай осмотрел машину, точнее, то, что от нее осталось, хотел махнуть рукой, но передумал, решив, что не стоит при жене и сыне так поступать – это может быть воспринято как слабость, а он... он должен быть сильным, это его семья и ответственность.

Он подошел к жене, взял ее за руку, развернул к себе лицом, осмотрел, ощупал всю. Хотел обнять, сжать, убедиться, что она действительно цела, осознавая происходящее как чудо. Тут же подумал о Егоре, о людях, стоящих там, внизу, собрался и оглядел ее нарочито деловому, скрывая свое волнение за видимой холодностью, решив, что сейчас так будет лучше для них всех. Если он расслабится и даст волю чувствам, то за ним расклеятся и все остальные. А сейчас этого нельзя было допустить. Эмоции будут потом.

Василиса стояла не шелохнувшись, зная, чем для мужа была эта машина, и видя, во что она превратилась, с ужасом думала, как он это переживет и что теперь будет с ними со всеми. Мысли были странными. Казалось бы, какая связь между аварией и их единением? Но что-то подсказывало ей, что это, возможно, начало их конца.

Звук сирены подъезжающей машины скорой помощи прервал их безмолвный диалог. Николай отпустил жену, убедившись, что она в порядке, и окликнул замершего в отдалении Егора, который поднял отвалившееся боковое зеркало и застыл, держа его в руках.

– Егорка, иди к нам! Да брось, брось ты это, ничего собирать не нужно. Всё! С этим всё! – отрезал он коротко и, сделав пару шагов в направлении мальчика, обнял его за плечи и усадил рядом с матерью.

Из-под капота вырвалось пламя. Огонь был небольшим. Так, детский костерок, даже несолидный для такой махины. В другой раз Николай достал бы огнетушитель и обязательно справился бы с пожаром. Сейчас же просто сидел и наблюдал, как пламя окончательно уничтожает, стирает его прошлое и все, что с ним еще как-то было связано. Хотя разве можно уничтожить ту пустоту внутри него самого, которую ничто не в силах заполнить, залатать, заврачевать? Что уж тут какая-то машина! Был гелик – и нет гелика. Зато все они есть. Это важнее.

Сквозь кружево березовой листвы сияло солнце. Заигрывая, оно ослепляло солнечными зайчиками, будучи в явном сговоре с весело щебечущими птицами, расшалившимися в кустах цветущей бузины, плотный, дурманивший аромат которой был настолько назойливым, что хотелось от него отмахнуться и поскорее уйти глубже в лес.

Лиса собирала крапиву.

Ей нужно было накормить своих мужчин, а продуктов у них почти не было. Все, что они купили, заехав по пути на дачу в крупный торговый центр, так и осталось лежать вдоль дороги. В дачных запасах были тушенка-выручайка и крупы – вот тебе почти суп.

Перчатки она не нашла. Обернула руку пакетом, вооружилась ножницами и аккуратно срезала ярко-зеленые сочные, обжигающие стебли молодой крапивы. Присев на корточки, медленно перемещалась по полянке, заглядывала под нависшие над ней лапы елей, не замечая, как сдвигается все дальше в лес.

Вот уже и солнечные зайчики перестали слепить глаза, тише стал многоголосый хор расшалившихся птиц, навязчивый запах цветущей бузины сменился терпким еловым духом, смешанным с ароматом влажного мха. Крапива уступила место белой звездчатке, цветки на тонких паутинках стеблей ласкали ноги, чуть волнуясь на ветру. Где-то вдаль шумела дорога, напоминая о близости цивилизации, хотя лес казался глухим и безлюдным.

Лиса и не заметила, как отдалилась от просеки, по которой вышла в лес от дачи.

– Вот ведь дурында! – ругала она себя, стоя рядом с раненой березой, в ствол которой кто-то поставил воронку для сбора сока да так и забыл ее вытащить. Прозрачный ручеек сладковатой влаги медленно сочился из поврежденного дерева, собирался на краю воронки, капля наливалась, отражая в себе зелень леса и Василису, завороченно наблюдающую за березовыми слезами... Потом, от переполненности и невозможности больше держаться, капля отрывалась и падала на землю, чтобы снова стать ближе к корням.

Лиса подставила руки и стала собирать сок в ладони, машинально считая капли.

– Раз, два... шесть... десять... – Ей нужно было время. Да, ее ждали муж и сын, нужно было продолжать жить, слава богу, они все остались живы, прошло уже пять часов с момента, как они приехали на дачу, умудрившись вместе с собой привезти и искалеченный автомобиль, теперь больше похожий на груды бесполезного металла.

Она ходила по склону на месте аварии, пока Коля говорил с подъехавшими гаишниками, и пыталась найти уцелевшие вещи и части автомобиля, полагая, что они представляют какую-то ценность, что их можно будет продать, а собственные вещи еще как-то использовать. Подобрала зеркало, оно было совершенно целым, какой-то обод, болты, резинки – от машины мало что именно отвалилось, хотя на ней не было ни одного целого места. Она действительно была словно скручена в жгут какой-то гигантской силой, как если бы консервную банку переехал самосвал, только в ней оказались люди и эти люди выжили, что само по себе невероятно.

Да, Лиса помнит глаза сотрудников ДПС – даже они, выдавшие многое в своей жизни, сначала не поверили, что и водитель, и двое пассажиров «гелендвагена», сидевшие перед ними, были внутри этой машины. Их первый вопрос к вставшему им навстречу через боль в груди Коле:

– Сколько трупов?

– Нет трупов. Мы все – вот они, тут, – он показал рукой на нее и Егора.

Потом мужчины о чем-то говорили. Коля кивком попросил ее отойти в сторону, она и пошла бродить среди обломков вокруг курящейся машины.

Нашла в канаве сломанный цветок, вроде рододендрон называется. Купила для Сашки, чтобы посадить у нее на участке. Это ж они на Сашкину дачу ехали. Ехали – и приехали. Кто же мог подумать!

От кого Саньке досталась эта старая, почти заброшенная дача, Василиса так и не поняла, окончательно запутавшись в ее бесчисленных мужьях и прилегающих к ним свекровях с обширной географией проживания, с которыми подруга Лисы, благодаря своему неунывающему характеру и похожей на пуховое одеяло широте души, сохраняла самые теплые отношения. Да, чихвостила бывших, при этом передружила их всех между собой, дети ездили от одной бабушки к другой, для некоторых из них совсем и не бабушке, проводили каникулы то с одним отцом, то с другим, а сама она всем этим крутила и вертела, ко всеобщему удовольствию.

Так вот, кто-то из них, получив дачу в наследство от дальнего и давно забытого родственника, не знал, куда ее пристроить, и вспомнил о Саньке и ее выводке, – пока Василиса разбиралась с ипотекой, бизнесом и поисками мужа, подруга умудрилась родить двойню, став матерью уже четверых детей. Решив, что продавать тут особо нечего, дачу передали в дар новоиспеченной многодетной матери, по-прежнему проживающей в Санкт-Петербурге за семьсот километров от места нахождения дара.

В свой очередной приезд к Василисе, во время посиделок на кухне, Санька рассказала про дачу как про что-то совершенно ей не нужное, но в то же время ценное самим фактом своего существования.

– Представляешь, вот так живешь и к сорока годам ничего не имеешь. Квартира – съемная, машина – кредитная, куча долгов и много маленьких детей, а тут – дача! Во как! – она рассмеялась и растопырила руки в стороны, показывая масштабы свалившегося на нее богатства.

– Да ладно тебе! Это же здорово – дача, – задумчиво ответила тогда Василиса, которая чем старше становилась, тем больше скучала по своей земле, по тяготившим ее когда-то грядкам и прополке, по зелененьким клювикам росточков, пробивающимся по весне, по ровным рядкам взошедшей моркови... и ее собственном кусочке земли на Птичьем острове, которым она по бумагам обладала, но пользоваться совершенно не имела возможности. А цветы! Какие у них были цветы! Особенно по весне! Море красных бокалов тюльпанов в окружении белых звезд нарциссов под деревьями в белых гольфиках. Нигде такого больше не встретишь. Эх...

– Ты там была? Большой участок? А дом какой? – отвлекшись от своих воспоминаний, с энтузиазмом стала уточнять у подруги Василиса.

– Нет, откуда? – Сашка потянулась всем телом, выгнувшись сидя на стуле. – Где я и где эта дача! Ты же сама понимаешь. Просто позвонили и сказали, что, мол, так и так, нам тут дача перепала, а заниматься ей некому и некогда, решили тебе отписать, принимай. Ну, я и приняла не задумываясь, по принципу «бери с улыбкой, отдавай с душой». Взяла.

– Ничего себе! – изумленно протянула Василиса. – Классный принцип! Работает?

– А то! Конечно, работает! Вот видишь, дача теперь у меня есть! – с пафосом продекларировала Санька, активно жестикулируя руками в поддержку своих слов.

– А адрес-то есть у тебя, ну, там ключи, документы? Передали тебе? – Василиса заинтересованно присела на край стула возле подруги, глаза ее уже загорелись, в голове набирал обороты план.

– Адрес, конечно, есть, – машинально ответила Санька, думая о чем-то своем, потом перевела глаза на подругу, увидела тот самый хитрый блеск и улыбочку, сообразила, что к чему, и, тут же сориентировавшись, подхватила: – Ключей нет. То есть они, конечно, есть – там, у соседа, а он постоянно живет в садовом товариществе, что-то вроде сторожа. Мне так сказали.

И подруги, подхватив Егорку, сорвались из дома, благо были выходные, поехали искать ту самую дачу...

Василиса остановилась. Несмотря на предосторожности, руку саднило от большого пучка крапивы. Она никак не могла проморгать глаза от налипшей на лицо паутины, ноги в легких полукедах промокли от росы, шум дороги стал почти неслышен. Огромные ели и березы обступили ее кругом, тревожно перешептывались листвой, недружелюбно покачивая ветвями на ветру.

Она не понимала, в какой стороне остались дачи, хотя, казалось бы, шла совсем недолго и держалась вдоль поселка.

Стало не по себе. Василиса, дочь станичных степей и просторов, никогда не была одна в лесу. То, что казалось увлекательным приключением, грозило перерасти в еще одну проблему, даже не столько для нее, сколько для мужа и сына, которым придется идти ее искать.

– Надо бы позвонить Коле, – пробормотала она себе под нос, вспоминая, где телефон, обшаривая карманы легкой курточки. – Вот ведь! Я же без него вышла, решила, что могу потерять его в траве, а в результате потерялась сама...

Дом стоял на пригорке, в самой высокой точке дачного поселка. Те, кто когда-то его построил, были то ли из руководства предприятия, от которого давали участки, и смогли выбрать самое выгодное место, то ли из администрации ближайшего к дачному поселку городка – иначе такое расположение дома и не объяснить. Строили, наверное, в конце семидесятых или начале восьмидесятых, когда было много чего нельзя делать и совсем не из чего строить. Все дома в товариществе были из белого силикатного кирпича, что явно указывало на принадлежность «садов», как именовали дачи местные, к кирпичному заводу, который выкупил часть леса у дороги для труда и отдыха своих работников.

Со временем часть дач распродали, и туда заселились москвичи, для которых в наше время сто верст – это уже почти Москва, да и со временем удаленность более восьмидесяти километров стала даже выше цениться – «там еще осталась экология, а все, что ближе к городу, это уже не природа».

Коля сидел на крыльце старого дома, раздумывая, как поступить с останками машины. Да, именно с останками. Гелик был для него другом, а когда-то и домом, с ним было пройдено и связано немало событий, которые повлияли на жизнь и даже на судьбу Коли.

Обладатели автомобилей делятся на две категории. Одни одушевляют своего железного коня, дают ему имя – вот тут-то все и начинается.

Как только появляется имя, машина перестает быть куском металла на колесах, постепенно, незаметно, даже крадучись, проникает в твое сердце, срастается с тобой, становится на тебя похожей... И вот уже у вас общие привычки, вы с ней разговариваете, она вас слушается. Знакомо?

Другие же автомобилисты считают, что машина – она и есть машина. Едет, не ломается – и хорошо. Надоест – куплю другую.

Коля встал, осмотрел двор, окинул взглядом маленький клочок земли, огороженный местами покосившимся забором.

«Что она находит в этой даче?» – с досадой подумал он в очередной раз. Достал телефон, посмотрел на список уведомлений и время.

«Долго ее нет», – размышлял он, направляясь к искореженному другу. Общее ощущение тревоги усиливалось еще и отсутствием жены. Он прошел к калитке, где возле сарая сгрузили то, что недавно было его машиной.

Коля никогда не тяготел к материальному. Заработанные за жизнь квартиры отдал при разводе женам, купил еще одну для родителей. В итоге, уйдя от второй жены, жил какое-то время с ними. Автомобилей у него было всего два за его долгую жизнь. Старенькая «японка» появилась давно, еще в той его, армейской жизни – праворульная «королла». Да и ее, скорее, он отцу купил – тот уже на пенсию вышел, они с мамой переехали поближе к месту службы сына, и он хотел порадовать отца.

А потом ему машина и не требовалась, как-то так справлялся. Когда решился на еще один автомобиль, по сути, не машину покупал, а хотел семью спасти, и машина была возможным инструментом сплочения, попыткой собрать, склеить то, что уже неумолимо разваливалось. Хотя насколько наивно было так думать...

Он тогда приехал в автосалон на окраине Москвы, толком не зная, чего же хочет. В голове была картинка из какого-то фильма. Там семья – муж, жена и трое детей – на большом автомобиле, похожем на микроавтобус, едет путешествовать. Загружают вещи, берут с собой велосипеды, укладывают палатку, походную плитку, стол, стулья и много всего еще. Дети дружно, как муравьишки, носят вещи, передают отцу, он аккуратно все раскладывает, жена веселая, все напевают песенку, яркие краски лета, и они колесят по стране с остановками возле красивых озер, у подножия заботливых гор.

И он почему-то решил, что если купить такой автомобиль, то, может, получится, как в том фильме, где все вместе куда-то едут, наполненные общим счастьем.

– Вы какую машину ищете? – спросил его тогда менеджер-продавец, молодой парнишка в тесном офисном костюме с торчащими из него худющими руками и ногами.

– Семейную. Таковую, чтобы на дальние расстояния все вместе, – ответил он, скорее отмахиваясь от помощи, чем принимая ее.

– О, это вам надежная машина нужна. Я понял! – быстро сориентировался парнишка. – Идемте за мной.

Он двинулся вглубь салона. Коля последовал за ним машинально, продолжая осматривать машины, стоящие по пути.

– Стойте! – вдруг скомандовал менеджер, резко развернувшись. – У нас кое-что есть именно для вас.

– Да? И что же? – недоверчиво переспросил Коля, скорее из любопытства, ему было интересно наблюдать за работой парня.

– Вот! – торжественно произнес тот.

– «Гелендваген»? – удивился Коля. – Так это же совсем не семейный автомобиль, а скорее наоборот.

– Ну да! Гелик, он же как для вас создан. – Парень распахнул водительскую дверь, приглашая Колю сесть за руль. – Вы сядьте. Просто посидите, прочувствуйте его, и пойдем дальше выбирать то, что вы себе представляете.

– Да? Ну ладно, уговорил, – и Коля сел в «гелендваген», а потом и выехал на нем из салона.

Это была на сто процентов его машина. Они сразу срослись, сошлись характерами, поняли друг друга с полуслова, и он, будучи уже совершенно одиноким в своей рушащейся семье, обрел отдушину. Уходил в подземный паркинг, который арендовал рядом с домом, и возился с машиной. Впрочем, тут не было ничего нового, так поступают мужчины по всему свету, скрываясь в гаражах от того, что их не устраивает дома.

А картинка из фильма? Он продолжал ее лепить из того, что еще оставалось. Купил палатку – самую лучшую, двойную, с прихожей для вещей и походной кухни и спальными

местами для четверых. Девчонки тогда обрадовались, прыгали вокруг него и кричали, что их ждет поход. А жена? Юля молчала как обычно. Ничего нового. Он и кемпинг нашел с удобствами, чтобы ей и детям было комфортно. Там и туалет, и душ, и к электричеству можно подключиться. Природа невероятная, река рядом, холмы, цветущий яблоневый сад и даже ресторан на территории.

Пока ехали, Юля не проронила ни слова, так же натужно улыбалась, по приезде почти не выходила из ресторана и ушла ночевать в отель, оставив его с дочками в палатке. А наутро не вышла к ним завтракать, сообщив, что ей вся эта природа в детстве надоела.

Больше не ездили. Палатка и кресла так и пылились в том паркинге. После развода и переезда к родителям Коля все оставил, даже не было мысли подарить кому-то или продать, не хотелось прикасаться к этим вещам.

Остался лишь гелик. Друг. Да, он был его другом. Чтобы как-то переключиться, отвлечься, он сосредоточился на машине. Оказывается, с ней столько всего можно сделать. Машина была пожившая, как и ее хозяин. За время эксплуатации кожа местами потерлась, сохраняя следы времени и чьей-то жизни, может, счастливой, а может, и нет – кто ж его знает. Коля нашел потрясающих ребят, живущих своим делом, горящих им. Полностью перетянул кожу салона. Сам немецкий концерн, выпускающий машины этой марки, позавидовал бы качеству кожи, ровной строчке швов, перфорации на спинках сидений, филигранной перетяжке руля и рукоятки переключения передач. Торпедо сияло обновленной отделкой красным деревом, панель приборов – новеньким пластиком, расширенные колесные арки сделали машину зрительно еще солиднее и выше. Принимая работу, Коля сиял так же, как и его новый друг.

– Вот это у тебя машина! – восхитилась Лиса, когда он в первый раз приехал за ней. – Знаешь, она тебе очень подходит, вы с ней оба такие цельно-брутальные, что ли!

Потом, уже позже, когда они стали ближе, она призналась, что ей даже неловко было сидеть в его автомобиле, который выглядел так, будто его только что забрали из салона либо сделали предпродажную подготовку.

– У тебя так чисто в машине, что я чувствую себя какой-то неряхой, – смущенно сообщила Василиса, усаживаясь на переднее пассажирское сиденье.

Колю тогда удивила ее реакция. Подумал, почему она обращает внимание на такие вещи?

А сегодня он уже знает ее саму и историю ее детства, знает отношение жены ко многим вещам. Чего-то так и не понимает, например ее любви к этой даче, а что-то, наоборот, принимает и рад, что они совпадают.

Коля стоял возле погибшей машины, у которой не открывалась ни одна дверь, был полностью искорежен капот и выбиты все стекла, и в который раз недоумевал: как могло произойти, что они все живы? Вот уж действительно providение! Мысли перескакивали в голове, не желая структурироваться.

Он то и дело возвращался к аварии, к разговору с приехавшими гаишниками, которые сразу поняли, в чем, точнее, в ком причина произошедшего, и тоже повели себя совершенно нестандартно, непредсказуемо, предложив ему не оформлять аварию. Пожалели? Или узнали где-то себя? А может, тоже недоумевали, несмотря на свой колоссальный опыт, узнав, что они все трое выжили.

– Слушай, командир, мы тут поговорили, – сказал старший из них, отведя Колю в сторону. – Нет смысла ничего оформлять. Машина твоя, и она под списание, полной страховки у тебя нет, ущерб не возместят, других участников нет, все живы. Если мы сейчас оформим, потом проблем не оберешься. Ты давай эвакуатор вызывай и увози его, – он кивнул на дымящийся гелик. – Увози, чтобы он не отсвечивал тут.

Они дали Коле телефон своего эвакуаторщика. Тот приехал быстро. Как загрузили машину, Коля почти и не помнил. Болевой шок все-таки был. Он не был пристегнут, и удар пришелся как раз по грудной клетке, да не один удар, а по несколько на каждый переворот.

Или это нервы? Он проигрывал в голове другие возможные варианты развития событий в этой аварии, картинки всплывали, повторялись, двигаясь по кругу, толпились, натыкались одна на другую. Все варианты были ужасны. Только то, что случилось с ними, в реальности было невозможно, и оттого становилось еще страшнее.

Машину сгрузили на даче, которую он не принимал и не понимал с самого начала их с Василисой поездок сюда. Но она так любила тут бывать, копаться в цветниках, слушать птиц, бродить по лесу, что он ей уступал, желая сделать приятное. А потом, и правда, в Москве многие ездят на выходные на дачу, так почему бы и нет?

Обойдя машину кругом, Коля еще раз убедился, что тут нет никаких вариантов. Только на металлолом, даже какие-то запчасти снять не представляется возможным, искалечено все, кроме людей. Бывает же такое...

Он стал искать в телефоне номер ребят, которые ему тюнинговали машину, – пусть забирают, невозможно на это смотреть.

На улице начинало темнеть. Василисы так и не было. Коля набрал номер жены, трель звонка раздалась где-то в доме.

– Вот ведь! Она телефон не взяла, – обеспокоенно произнес он и бросился в дом за Егором и смартфоном жены.

Вечер опустился незаметно, как всегда бывает в начале лета. В сумерках лес стал выглядеть совсем по-другому. Белые звездочки цветов скрылись в полумраке потемневшей травы, деревья тревожно шелестели листвой, от поднявшегося ветра все вокруг стонало, шуршало и трещало – говорило на своем языке, словно подсказывая Василисе, что ей давно пора уходить отсюда.

Да она и сама знала.

Брела, то и дело оглядываясь, пытаясь сориентироваться и понять, куда выходить, точнее, откуда она зашла.

– Вот, видишь, тут тропинка, там осина с березой переплелись, а вот и наша просека. Запоминай. В лесу нужно ориентироваться, иначе два шага в сторону – и все! – инструктировала ее Санька, когда они, осмотрев ее наследство, вышли прогуляться в лес.

– Ты уверена, что именно так запоминать нужно? – засомневалась Лиса, разглядывая два причудливо сросшихся дерева. В развилке ствола осины росла береза, превращая их в единый, доселе невиданный вид, делая одним целым, сотканным из разного.

– А то! Я известный следопыт! – засмеялась Сашка. – Меня дед учил, я с ним с четырех лет в лес ходила, мы грибы там всякие собирали, ягоды.

– Да, у нас лесов нет, но я читала где-то, что в лесу по сторонам света ориентируются. Что вроде мох на дереве – со стороны севера, а еще по солнцу как-то. Слушай, может, просто не пойдем туда одни, вдруг и правда заблудимся?

– Да брось ты! Тут не лес, а так, пролесок, вон дорога шумит, слышишь? На нее и выйдем всегда, если что.

– Дорога? Как думаешь, далеко она?

Потом они наткнулись на тропинку, местами заваленную старыми мшистыми стволами, корягами и причудливыми ветками, пробираясь по которой они и вышли на проселочную дорогу, ведущую к железнодорожной станции.

Василиса продолжала кружить по лесу в поисках той тропинки, как ниточки, которая точно выведет к дому, где ее наверняка уже ждут и беспокоятся.

Пока бродила, все время возвращалась мыслями к аварии, которая, верно, теперь навсегда останется в ее памяти. Сколько должно пройти времени, чтобы память хотя бы не стерла, а приглушила эти воспоминания? Отчего же машина перевернулась? У нее были свои предположения, которые она не хотела озвучивать даже самой себе, не то что мужу и сыну, ведь

тогда... – Василиса осекала себя в очередной раз, не позволяя думать об этом. Остановилась, еще раз огляделась в надежде увидеть свет в садовых домиках их поселка. Но опять ничего. Лишь ропщет листва да недовольным треском вторят ей ветки.

Сердце ее болело за Колю, она знала характер мужа, его гиперответственность, способность замыкаться в себе в тяжелых ситуациях, не раскрывать душу, когда больно. Ей было страшно, что он опять замолчит и она не сможет понять, о чем он думает, растопить его не сможет. Они еще так мало женаты, и сколько им еще предстоит узнать и принять друг в друге, чтобы удержаться вместе.

Когда они только начали встречаться, произошло несколько подобных моментов, когда Коля «каменел» – так она для себя называла это его состояние. Из веселого, открытого и улыбающегося человека он вдруг – ей казалось, что вдруг – превращался в кого-то другого. Холодного, незнакомого ей чужака, отстраненность которого пугала.

Перемена была настолько разительной, что Лиса не понимала, как ей быть. Она боялась к нему подойти, что-то спросить, обнять, думая, что это она виновата, а в чем – не понимала и тоже погружалась в молчание, уходила в себя, копалась внутри, перебирая их последние разговоры, вспоминая, где же она повела себя не так, чем его расстроила или ранила, изнуряя тем самым не только себя, но и Колю. Потом, так и не найдя причины, начинала злиться, пыталась мириться, узнать, что не так, а он либо молчал, либо говорил с ней, как с посторонней, хотя нет, в такие моменты он с посторонними говорил намного дружелюбнее, чем с ней. Это было ужасно.

В ее детстве, на ярмарочной площади в Краснодаре, куда они с родителями частенько приезжали по выходным, выступал гастролирующий кукольный театр. Заезжие артисты раскрывали огромный потертый и поживший фибровый чемодан, ставили его на ящики из-под фруктов, соорудив из них подобие помоста, и перед ним устраивали спектакль.

Нутро чемодана служило фоном для веселых сценок. Обитое ситчиком в мелкий яркий цветочек, оно символизировало и цветущий луг, по которому путешествовала Крошечка-Хаврошечка, и уютную избу, где бабка скребла по сусекам и лепила свои пирожки, и солнечные лесные дорожки, по которым катился румяный Колобок.

Шумные артисты с ожившими куклами в руках, лихой гармонист, от всего сердца растягивающий свою гармонь, распахнутая душа чемодана – все это пело, плясало, выворачивало наизнанку, заставляя плакать и смеяться всю ярмарочную площадь. Василиса стояла, забыв о том, где находится, погрузившись в сказку, мечтала, переживала и радовалась вместе с героями и со всеми, кто был в этот момент рядом с ней, стараясь запомнить все-все до мельчайших

подробностей, чтобы потом пересказать подружкам, еще раз осмыслить, прокрутить во сне и проиграть со своими куклами.

И вдруг чемодан захлопывался. Все резко менялось. Праздника больше не было. Музыка уступала место рыночному шуму, грохоту тележек и крикам «Посторонись!» от снующих мимо грузчиков. Мама брала ее за руку и торопливо уводила с места представления. Маленькая Василиса всегда со страхом ждала этого момента, мечтая и молясь внутри себя, чтобы сегодня спектакль не закончился...

– А ты, когда с женой ссорился, тоже так молчал? – спросила Василиса у Николая, когда после их первой размолвки и отстранения на несколько дней она все-таки дозвонилась ему, договорилась встретиться после работы в центре вестибюля станции метро, и они помирились.

Тогда, едва увидев друг друга, они оба неуверенно заулыбались, мгновение переглядывались, ожидая ответной реакции, и она, несмотря ни на что, бросилась ему в объятия, соскучившись так, будто они не виделись год.

– Да, молчал, – нехотя ответил Коля.

– А она что?

– Тоже молчала.

– И как же вы мирились?

– Ну, проходило время, и я отходил, жизнь же продолжается.

– А она?

– Жена? Жила, будто ни меня, ни ссоры не было.

Василиса так не умела. Для нее состояние ссоры было подобно маленькой смерти. Она с детства шла мириться первой. Ее не смущали друзья Игоря, часто подшучивающие над ней, не выводили из себя проделки Наташи, которая тоже пыталась посмеиваться, и не всегда по-доброму. Василиса сглаживала конфликты, умело выходила из них, не давая унижать себя, деликатно ставя на место обидчика, могла и свою вину признать, если чувствовала, что сама виновата. Состояние мира для нее было важнее собственных амбиций.

Лишь однажды, когда мама утаила от нее смерть Пашши, она долго не могла себя заставить простить. Понять не получалось еще дольше... Да, пожалуй, только не так давно она смогла осознать, что же тогда двигало матерью. Слишком серьезно и больно ее ранило то предательство.

Однажды потеряв любимого, она боялась прожить такую боль еще раз, может, поэтому долгое время не вступала в отношения, придумывая себе все новые и новые предлоги не быть замужем. А теперь с Колей, с ее Колей, было все иначе. В нем сошлись все ее представления о любимом, все детские и девичьи мечты... В нем было что-то от ее отца – не зря же говорят, что девочки выбирают мужчин, похожих на отцов. Хотя чем он похож? Точно не внешностью, но было в нем что-то неуловимое, какой-то стрежень, воля или сила, которая удерживала Лису подле Николая.

Она находила в нем черты и Юры, и Макса, по чуть-чуть от всех, кого она когда-то любила или мечтала полюбить, останавливая себя, не разрешая, а то и запрещая. Теперь же от нее это не зависело, она просто любила так как умела: пронзительно, остро, чувственно, проникновенно, ощущая себя его частью, и это чувство настигло ее слишком, даже неприлично рано, когда они только-только встретились.

Хотя нет, на их первом свидании, там, в кафе, куда Коля привел ее за руку, она еще не могла любить его. Просто удивлялась возможности такой встречи, присматривалась, узнавала знакомые черты, которые нравились ей в других, а тут они все открылись в одном человеке. А Коля просто говорил: долго, увлеченно, смакуя детали, вспоминая моменты своей жизни, чтобы щедро поделиться ими с ней.

Говорил о своей маме. Это было настолько необычно и удивительно, что она слушала заворуженно, удивляясь про себя. Вспоминая шаблонные фразы про маменькиного сынка, тут

же сама себя стыдила и говорила, что он совсем не такой, всматривалась в его лицо, стараясь запомнить каждую морщинку, впитывала его улыбку – так не улыбался никто из тех, кого она когда-либо знала... Да и сейчас, спустя год после их знакомства, она, думая о муже, в первую очередь представляла его серые дымчатые глаза, в которых сквозь туман то и дело выныривали наружу веселые солнечные лучи, озарявшие его самого изнутри, и его улыбку, абсолютно мальчишескую, искрящуюся и открытую всему миру.

Как в человеке военном – а она до Коли никогда с военными дела не имела, и они все представлялись ей суровыми и холодными, – в нем было много истинно мужского, жесткого, цельного, но внутри у него был совсем другой мир: чувственный, открытый и невероятно ранимый. Его-то она и полюбила.

Мы любим в человеке не внешность, настоящая любовь – это единение душ. Внешность с годами меняется, а душа всегда остается прежней. И если вы соприкоснулись на уровне души, это самое настоящее сокровище, которое нужно беречь и приумножать, помогая другу другу становиться лучше, – вот мерило крепкого брака.

Василиса продолжала брести по лесу, ругая себя, что так легкомысленно поступила, по сути бросив своих мужчин в столь тревожную для всех них минуту. Коля ее уже точно ищет, Егор волнуется, и она своим поведением сделала еще хуже там, где нужно было поддержать.

От чувства вины она ускорила шаг, свернув в сторону, где, как ей показалось, все-таки шумит дорога, в надежде выйти на шоссе, а там уж она разберется.

Ей хотелось скорее увидеть Колю, обнять мужа и сына, за которого тоже тревожилась, хотя он вроде бы еще не понял всей серьезности произошедшего или ей так казалось. Егор по мере взросления становился все менее открытым, переживания держал в себе. Перестал рассказывать, как дела в школе, что его тревожит, и выведать, о чем он на самом деле думает, было почти невозможно. Лиса переживала, а Коля ее успокаивал, говорил, что это возраст такой. Сегодня же Егор вообще молчал.

– Что там у него внутри творится? – произнесла она вслух, вздрогнув от звука своего голоса, остановилась и огляделась еще раз. – Нет, не туда опять вышла. Ну надо же!

Она уже устала, ноги промокли окончательно, руки и щиколотки саднило от порезов острой колкой травой и ожогов крапивы, платок сбился, а тут еще и комары окружили звенящим роем, выгоняя ее из своего царства.

– Господи, ну почему нельзя вот так подумать – и оказаться дома! Ну что со мной не так? Зачем я тут брожу? – в сердцах, совсем по-детски громко проговорила Василиса.

В кустах что-то промелькнуло, и на ее голос выбежал большой черный пес с горящими в лесном полумраке угольными глазами, запахом потной мокрой псины и высунутым от бега розовым влажным языком. На темном кожаном потертом ошейнике болтался обрывок веревки.

Василиса остолбенела от неожиданности и страха. Собака остановилась напротив. Настороженно принялась. И что-то для себя решив, подбежала ближе к замершей от страха Василисе и стала дружелюбно прыгать вокруг нее, словно встретила старую знакомую.

– Ты кто? – спросила Василиса, поежившись и оглядываясь по сторонам в поисках хозяина пса, но внутренне чуть расслабилась, увидев, как собака радуется.

Пес безостановочно лаял, суеился, подсакивал, чуть отбегал в сторону, потом опять возвращался, смотрел на Василису, снова лаял и опять чуть отбегал вперед.

– Ты что, зовешь меня? – сообразила она, еще раз оглянувшись, убедившись, что никого нет, и последовала за собакой, размышляя, что за веревка болтается у нее на ошейнике.

Собака убегала вперед, терялась среди деревьев. Потом возвращалась за Василисой, суеилась вокруг нее, поскуливала и опять куда-то бежала.

Мокрые ноги заledenели, идти было трудно, к вечеру на лес вместе с сумерками опустился чуть заметный морок тумана.

«Погоня за собакой по тому же самому лесу... Какие удивительные ситуации подбрасывает нам жизнь», – размышляла Лиса, то и дело спотыкаясь о коряги. Она уже отбросила в сторону увядший пучок крапивы, с которого начался этот лесной поход от самой себя и своей семьи. Шла с пустыми руками, поеживаясь от холода и растирая себе предплечья.

У них с Егором тоже была собака, и она вот так же бежала за ней по этому лесу, по той самой тропинке, которая ведет к станции от крайней улицы садового товарищества.

Лайт был маленький, с толстой кругленькой малышачьей попой, которая то и дело перевешивала его то на одну, то на другую сторону, со смешными пухлыми лапами и гладкой насыщенно-рыжей, похожей на бархатную подушку шерсткой. Пузико, лапы и мордочка были абсолютно рыжими, а от носа до затылка тянулась, как ленточка, белая полоска. У него были милейшие, стоящие торчком полупрозрачные розовые ушки и малюсенький черный нос. Одним словом, красавчик необыкновенный! Порода была необычная и даже загадочная, Василиса о такой никогда не слышала – бассенджи. Узнал про эту породу Егор, а она списалась с заводчицей. Они с сыном ждали, пока щенок родится, потом – пока подрастет, и наконец-то им разрешили его забрать, когда тому исполнилось два с половиной месяца.

– Как назовем? – спросила Лиса, когда, выбирая из шести рыжих комочков с белыми пузиками и ленточками на лбу, Егор прижал к себе именно этого.

– Лайт! Я уже придумал! – быстро ответил сын.

– Почему Лайт? – удивилась Лиса.

– Мам, ну что? А подумать? – возмутился сын.

– А, Базлайтер тебе покоя не дает! – засмеялась она, переглядываясь с женщиной-заводчицей. – Подходит нам Лайт?

– Вполне. Вам как раз на букву «Л» нужно.

Решение взять собаку принимали совместно. Наверное, это был их первый серьезный и осознанный выбор, хотя нет – первой была договоренность искать «нормального мужа», как выразился Егор. Может, сын и не заметил, как она заручилась тогда его согласием, но она сама-то помнит и знает это. Потом Егор поссорился с лучшим другом, у него сменился так сильно любимый им тренер по водному поло, да еще и с успеваемостью начались большие проблемы.

Пока мать, то есть Василиса, порхала, воодушевленная предстоящей встречей с будущим мужем и отцом их небольшого семейства, сын грустил. Нет, внешне он был так же спокоен, по-своему рассудителен, местами шаловлив, как все подростки, но она хорошо его чувствовала, потому и завела с ним разговор. И Егор высказал опасение, что когда появится этот самый их новый папа, которого он сам же и просил когда-то, то Василиса вдруг переключится на него и совсем забудет своего Егора.

Сказал, словно выстрелил, быстро так пробормотал, а потом отвернулся и молча потянулся к холодильнику за колой. Точно нервничал очень. Лиса его обняла, прижала, развернула к себе (Где то время? Сейчас уже так и не сделаешь: не дастся!) и уверила в том, что его она любит больше всех на свете и никогда никого так уже не сможет полюбить, потому что сын у нее один и другого быть не может. Сказала и сама испугалась этих слов, в которых еще раз прозвучал ее приговор.

– Мам, а давай собаку купим или где их берут, собак? – еще раз выпалил перепуганный так же, как и она, сын.

Потом они кормили щенка из пипетки, покупали какой-то редкий корм, возили к ветеринару, были на связи с заводчицей. В доме появился еще один ребенок, а с ним – совместные хлопоты, заботы и новые радости.

Мария Антоновна, правая рука в рабочих делах Василисы, тоже полюбила Лайтика и каждый раз, приходя к ним, приносила для него собачьи вкусняшки. Первый месяц находде-

ния малыша дома они как-то справлялись. Егор летел из школы домой, Лиса, напротив, задерживалась с утра, щенок все время был под присмотром.

Когда Лайт чуть подрос, времени сидеть с ним ни у кого не оказалось. Решили, что в четыре месяца пес уже вполне себе взрослый и может оставаться дома один.

Пару дней все было хорошо, а потом, придя из школы, Егор не увидел радостно виляющего хвоста в прихожей. Стал звать, искать по их небольшой квартире, услышал где-то глухой писк и обнаружил малыша в ящике со своими старыми игрушками, куда тот провалился, повредив себе лапу, и выбраться не смог, так и заснул от боли и усталости.

Операция по восстановлению лапы обошлась в месячный взнос по ипотеке, массу нервов, неделю в зоостационаре, штифты в лапе и тяжелый реабилитационный период. Длилось все это около трех месяцев. Преодолевая очередные трудности, они втроем стали еще сплоченнее, а Лайт почувствовал себя настоящим членом семьи...

Черный пес опять вернулся, и Лиса, следуя за ним по лесу, поняла, что наконец-то вышла на ту самую тропинку, где она потеряла тогда Лайта.

Прошло еще несколько месяцев, щенок вырос и превратился в достойного тонконогого, поджарого и очень активного представителя своей гончей породы – кто бы про это думал, когда его брали! Невысокий, изящный, как породистый скакун в миниатюре. На месте он не сидел, ему нужно было бежать, а если он убегал, то вернуть его было нереально.

– Непослушка ты, Лайт! – отчитывал щенка Егор. Они, как ровесники, гоняли друг за другом по тесной квартире. Запрыгивали на кровать Лисы, возились как дети. На улице Егор научил собаку катать его на скейтборде. Лайт мчался, натягивая поводок, а Егор ехал с ветерком за ним на скейте.

Лиса тогда уже начала встречаться с Николаем. Домой его еще не приглашала, это было их совместное решение – выдержать паузу, окончательно все решить и только потом знакомиться с его родителями и ее сыном. Но про Лайта она рассказывала Николаю забавные истории, обещала вскоре их всех подружить.

На Санькину дачу она стала ездить почти каждые выходные с тех пор, как они с подругой впервые посетили дом и забрали ключи. Сашка сама предложила, видя, как Василисе там понравилось.

– Вась, – она так и не привыкла называть Василису Лисой, на что та совершенно не обижалась, – давай я тебе эти ключи отдам и вы с Егоркой будете тут хозяйничать, – утвердительно заявила Сашка.

– Да что ты! Брось! Даже не думай, это же твоя дача, у тебя у самой вон какое семейство! При чем тут я? – отказалась было Василиса, а сама задумалась. Ей и правда очень понравилось и это место, и дом, и заросший по пояс участок. Было во всем этом что-то пронзительно родное, спокойное и невероятно трогательное в своей унылой заброшенности с оттенком надежды на возрождение. Дом смотрел на них с подругой настороженно, сияя подбитыми глазами двойных рам, с тревогой скрипя половицами и подвывая загулявшим ветром в трубе большой русской печки.

– Значит, так! – вошла в образ командирши Сашка. – Вот тебе ключи, вот фото документов, ну а...

Она по-деловому прошлась по небольшой комнате, в которой располагалась печь, старенький буфет, стол с изрядно потрепанной клеенкой да парочка колченогих табуреток. Открыла дверцы буфета, осмотрела пустые полки, застеленные пожелтевшими газетами с остатками мышиных походов.

– Ладно, что уж тут смотреть. Сама разберешься! – торжественно изрекла Сашка.

– Но... – попыталась возразить Василиса.

– Вась, ой, Лис, – попыталась подлизаться Сашка. – Ну правда, на кой мне эта дача, если я в Питере живу, а продавать не хочу – мало ли что в жизни бывает? Что мне эти деньги? Раз –

и не будет ни дачи, ни денег! А так хоть какая-то недвижимость в моем арсенале многодетки, – уговаривала Саша то ли себя, то ли Лису.

– Хорошо. Я согласна! Буду тут тебе уют наводить и присматривать. Часто ездить не обещаю, но, думаю, и Егор обрадуется, да и Мария Антоновна наша тоже.

– Супер! Как я хорошо устроилась! И дача есть, и присмотр за ней тоже, а уж ты тут из ничего уют наведешь! Может, и я со своими приеду как-нибудь погостить на нашу дачу!

Так и получилось, что Саша вернулась к себе в Питер, а Лиса с Егором и Марией Антоновной стали выезжать по выходным на дачу.

Постепенно общими усилиями они привели все в порядок. Василиса отдраила полы, благо опыт у нее был ого-го, перемыла шкафы, покрасила буфет, превратив его в модный арт-объект. Мария Антоновна сшила новенькие покрывала и занавески. Егор с помощью местного жителя, который им передал ключи, поправил кое-где окна. В доме стало пахнуть чистотой, вновь поселился уют, а длинноногий, похожий на молочного жеребенка Лайт, носящийся по двору, вносил в их дачную жизнь нотку бесшабашного детства.

А потом...

Потом Лиса стала встречаться с Колей и приезжала на дачу все реже – выходные они проводили вместе и обычно в городе, то в музей пойдут, то на выставку. С сыном Колю она еще не познакомила, а ездить на дачу без Егора не хотела – ночевать не останешься, а одним днем какой смысл?

Месяц пролетел незаметно. Они были оба отчаянно влюблены друг в друга, скучали, постоянно переписывались и перезванивались, срывались с работы, как малолетки, настрадавшиеся друг без друга за несколько часов. От происходящего у Василисы кружилась голова, порхали мотыльки во всех частях тела, включая голову, сосало под ложечкой, сводило живот и много всего еще, что явно свидетельствовало в пользу обрушившегося на нее чувства.

Коля признался ей в любви, пожалуй, слишком быстро. На втором свидании.

– Василисушка, люблю тебя и знаю: мне больше никто не нужен, я нашел ту, что искал. Уже удалил свою анкету с сайта знакомств. Хочу быть честным с тобой.

Если бы ей вот так, на излете второй встречи, признался какой-нибудь другой мужчина, она точно решила бы, что это аферист, особенно вспоминая историю с товарищем из мэрии, благодаря которому, точнее, благодаря отсутствию которого она познакомилась с Николаем.

Но это сказал Коля. У нее ни разу не возникло сомнения в его словах.

Как так?

Просто она видела его глаза в тот момент, чувствовала тепло рук, в которых он сжимал ее пальцы, слышала, как бьется, глухо ухая, то проваливаясь от волнения, то с надеждой возрождаясь, его сердце, ощущала его дыхание, словно дуновение родного степного ветра с терпким ароматом высушенной солнцем полыни, свежестью морского бриза и сладким привкусом яблочного духа...

Коля сказал и замер в ожидании ответа от нее. А она не могла. Не верила сама себе, прислушивалась еще, боялась ошибиться, слишком высокая планка задана ею для своей любви. А вдруг обнадежит и не сможет потом?

– Ты же хочешь правду от меня услышать? – ответила она тихо, боясь нарушить то невидимое, что уже связало их. Коля молча смотрел ей в глаза, выискивая там ответ. Чуть сильнее сжал ее тонкие пальцы, потянул ближе к себе, хотя они и так стояли, плотно вжавшись друг в друга, еще не успев отдышаться после затяжного поцелуя.

– Тогда не торопи меня. Подожди. Мне нужно время. Чтобы правду и от сердца, – с трудом произнесла она, замерев в ожидании его реакции, боясь обидеть. Коля же, казалось, даже вздохнул с облегчением, поняв ее, словно и сам знал, что именно так верно, и ждал от нее этого ответа.

И уже через неделю, вскочив ночью, она строчила в своем дневнике со скоростью профессионального писателя, не заканчивая строки, путая буквы, боясь упустить мысль, а потом сразу, не дожидаясь утра, отправила ему голосовое сообщение, продекламировав со всей нежностью и чувственностью свежие, снизошедшие на нее строки:

И градус слов —
Моя ангина,
Теперь я тяжело больна.
Ты, словно пламенная льдина,
Пронзил и утонул во мне...
И лихорадка — мне название,
Я так больна...
Я влюблена!
До крика, до отчаяния слов и текстов —
Жива!
И этот мир, объятий полный,
Излечит раненую суть.
Ты — лекарь, ты — творец, ты — гений,
И только ты укажешь путь!

Отправила, подумала и тут же дописала:

Это опять я (смайлик).

Я тут подумала, что между нами что-то такое нереально хорошее происходит. Большинство людей живут и не знают, что такое вообще возможно! А мы только в самом начале! Представляешь, как, наверное, дальше должно быть здорово?!

Василиса быстро шла за собакой по уже знакомым лесным тропинкам и понимала, что черный пес ведет ее верно. Еще немного — и она выйдет в садовое товарищество. Будет мостик через обводную канаву, ряд молодых сосен и крайняя к лесу улица...

Да, вот тут она его и отпустила. Василиса остановилась на тропинке, сумрак окончательно накрыл лес. Засеребрилась вечерней росой трава. Пахло влажным мхом и не успевшей просохнуть прелой листвой.

Коля тогда отключил ее от себя. Через полгода их встреч. Обыденно так. Написал пару фраз в мессенджере: «Спички закончились. Тепла больше не будет». Так просто и так странно... Она сейчас была не в силах это опять вспоминать, тем более что они уже все преодолели и многое прошли после этого.

На тот момент это была уже не первая их ссора. Поэтому она, уже единожды прошедшая с ним через расставание, нашедшая в себе силы выйти из того виража, случившегося через месяц их встреч и продлившегося всего десять невероятно длинных дней, знала, что в этот раз это точно все. Он не вернется. Не простит — совершенно непонятно, чего именно, но тут точно все не так, как было тогда. Она знала Колю и его жизненные принципы. Он не возвращается и не меняет своих решений, словами не разбрасывается, а делами и подавно. А фраза его коронная про спички была тоже ей хорошо известна, — рассказывая о своем втором разводе и как ему удалось это решение, он как раз и приводил в пример эту аллегорию с коробком спичек, который в самом начале отношений всегда полный, а каждая ссора и размолвка сжигает одну из спичек, коробок конечен, как и терпение человека. Его фраза «спички закончились. Тепла больше не будет» прозвучала для Лисы так неожиданно — просто убила, пригвоздила и дала понять, что возврата нет. Мириться, писать, звонить бесполезно. Ее для него больше нет.

Так и получилось. Она писала. Он не читал. Звонила. Не брал трубку. Просто стер ластиком из своей жизни. Вымарал, как кляксу в школьной тетради. «И теперь будет замазывать мелом новых отношений», – думала она, чтобы хоть как-то объяснить себе произошедшее, пыталась найти в Коле изъяны, чтобы выжить самой.

Было очень больно и лишь один вопрос мучил ее: «Если такой хороший человек меня бросил, решил не быть со мной, то кому еще я могу быть нужна? Настолько я плохая – как жить-то теперь?» Несколько дней она плакала без слез днем, рыдала по ночам в подушку, перестала есть, печь свои пряники и капкейки, выходить из дома, отвечать на звонки подруг.

Василиса смотрела сквозь сына и не реагировала на вопросы своей помощницы, пока Мария Антоновна не собрала ее в охапку, буквально засунула в машину и отвезла всех троих на дачу.

– Отпуск у тебя. Поняла? Будешь отдыхать. Гулять по лесу, дышать воздухом. Оживать, короче. А там... – она посмотрела на опухшую от слез Василису и добавила утвердительно: – Там все обзавестся.

– Нет, он не вернется. Я знаю. Его знаю, – выдохнула Василиса, прижалась к Марии Антоновне и дала себя увезти, думая скорее о сыне, чем о себе.

И она дышала. Точнее, задыхалась от слез, пряталась в маленькой спальне от Егора вечерами, когда накатывало. Смотрела то и дело в телефон, проверяя, был Коля в Сети или нет, гадая, чем он занимается... Видела его в своих снах и фантазиях с другими женщинами, ненавидела себя, била по рукам, чтобы не позвонить ему. Стерла всю их переписку, удалила все фото. А главное, она абсолютно не понимала причины и от этого буквально уничтожала себя сомнениями в собственной женской состоятельности, в сотый раз перебирая подробности их последних встреч, пытаясь докопаться до сути своей ошибки в их отношениях.

В тот день она косила траву. Газонокосилка была куплена в подарок дому на годовщину их заселения. Длинный провод все время норовил запутаться в бешено вращавшемся винте, приходилось одной рукой удерживать провод, второй косить, все это дребезжало, плевалось смятой зеленой массой, но оставляло за собой вполне сносный газон.

Погруженная в свои мысли, Лиса медленно двигалась по лужайке и заехала на парковочную площадку, засыпанную мелким гравием с проросшим сквозь него подорожником. Косилка мужественно и послушно поехала по камням, теперь выплевывая в стороны не только траву.

Обкашивая газон вокруг машины, Лиса подумала, что вот еще чуть – и уже нужно перекидывать шнур, развернулась, не переставая двигать агрегат, посмотрела в сторону, и тут раздался звон стекла. Она вздрогнула. Отпустила ручку косилки. Наступила тишина, в которой тихо позвякивало осыпающееся заднее стекло ее автомобиля.

Ноги подкосились, и она осела на землю.

– Блин! Еще и это! – тихо, одними губами, прошептала Лиса, уже представляя, сколько стоит замена стекла, как ехать в город без него, где искать мастера и все остальное, вытекающее из этого. Внутри нее родилась мысль о цепи событий, которая была кем-то запущена. В какой-то момент она ошиблась – и теперь все идет не так.

Разобравшись с осколками стекла, напоив Лису чаем – самый верный способ успокоиться, – Мария Антоновна подхватила ее под руку, взяла Лайта на поводок и буквально потащила в лес.

Да, вот именно по этой тропинке они и шли. Она также споткнулась на той коряге, любовалась высокой сосной, похожей на лиру, невесть как выросшей тут, настолько непохожей на других.

Лайту было уже почти девять месяцев, он стал изящным, поджарым, с упругим мускулистым торсом, горделивой осанкой, ищущими, куда бы убежать глазами и любопытным носом. Пес ну никак не хотел ходить на поводке, жалобно скулил, тянул и рвался на свободу. Егор и Лиса на совместных прогулках уже пробовали его иногда отпускать на этой тропинке, разучи-

вали команды «Ко мне!», «Сидеть!», «Лежать!». За вкусняшки Лайт стал прибегать обратно. Сегодня же Егор наказал не отпускать собаку с поводка, когда они пойдут гулять без него.

Почему она его отпустила? Ну почему?

Иногда мы совершаем такие поступки, о которых нам суждено жалеть всю жизнь, размышляя, что было бы, не соверши мы эту ошибку... Но, к сожалению, время фатально движется только вперед.

Ей стало жалко Лайта. Он так хотел играть, бежать, мчаться, соревнуясь с ветром, гонять еловые шишки... Хотя нет, она продолжает врать сама себе. Ей было жалко себя. Она тогда шла и в очередной раз изливала душу Марии Антоновне, которая слушала историю ее любви в...дцатый раз, не перебивала, внимала, кивала и присоединялась, сопереживая.

А Лиса все говорила и говорила, увлеклась и машинально отпустила Лайта с поводка. Пес в три прыжка скрылся за поворотом, умчавшись вперед. Там до шоссе километра два. Не близко. Он так далеко не убегает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.